Ролло Мэй

Три формы мира

(Глава из книги «The Discovery of Being», 1986)

Экзистенциальные психологи выделяют три формы мира, три его неразделимых аспекта, характеризующих существование каждого из нас как бытие в мире. Первая — это «Umwelt» (в дословном переводе — «мир вокруг»), биологический мир, называемый в наши дни «средой». Вторая — «Mitwelt» (дословно — «мир с...»), социальный мир, мир межличностных отношений. Третья — «Eigenwelt» («собственный мир»), мир отношений с самим собой.

«Umwelt» — это то, что мы подразумеваем под словом «мир» в разговоре: мир объектов вокруг нас, физический мир. Все организмы обладают «Umwelt». У животных и человеческих существ этот мир включает в себя биологические потребности, драйвы, инстинкты; мир, в котором человек продолжал бы существовать, даже не обладая самосознанием. Это мир естественного закона и природных циклов, сна и бодрствования, рождения и смерти, желания и его удовлетворения, мир конечности и биологического детерминизма, в который каждый из нас был заброшен при рождении и к которому каждый из нас должен, так или иначе, приспособиться.

Экзистенциалисты отнюдь не отрицают реальность физического мира (как отмечал Кьеркегор: «Закон природы всегда в силе»). Они не имеют ничего общего ни с идеалистами, сводящими весь материальный мир к эпифеномену, ни с интуитивистами, воспринимающими его исключительно субъективно, ни с одним из направлений, недооценивающих значимость мира биологического детерминизма. В действительности, требование принимать объективный мир природы во всей его полноте — одна

Ролло Мэй (1909-1994) — американский теолог, философ, один из теоретиков экзистенциальной психотерапии. Популяризатор экзистенц-философии в психологическом консультировании. Наряду с Виктором Франклом и Адрианом ван Каамом, один из ярких представителей экзистенциального направления в психологической теории.

из отличительных особенностей экзистенциалистов. Читая их, я прихожу к выводу, что экзистенциальные психологи и философы способны воспринимать материальный мир гораздо более полно, нежели те, кто разбивает его на «драйвы» и «субстанции», вероятно потому, что они не ограничиваются одним биологическим миром, а видят его в контексте человеческого самосознания. Экзистенциальные психологи утверждают, что это чрезмерное упрощение и радикальная ошибка воспринимать человеческое существо так, как если бы «Umwelt» был единственной (о т)(а)-11(а-9(ч)1)(н)-8(н)16(о)1е

как о *сексуальном объекте*; взятая в качестве сексуального объекта личность не рассматривается как личность. *Сущность «отношения» в том, что, встречаясь, изменяются оба человека.* Отношения двух людей — за исключением случаев болезни, вызывающей нарушения сознания, — всегда предполагают взаимное познание, и этот процесс включает в себя изменение обоих.

«Eigenwelt» («собственный мир») — это область, которая лишь в последнюю очередь интересует современную психологию и в частности психологию глубинную. Действительно, справедливо сказать, что она практически игнорируется. «Eigenwelt» предполагает наличие самосознания, самоотношения и присущ исключительно человеческим существам. Но это не просто субъективный внутренний опыт; это скорее базис, на основе которого мы видим реальный мир в его истинной перспективе, а также основа, на которой строятся наши отношения. Это понимание того, что данный аспект реального мира — этот букет цветов, этот человек — значит *для меня*.

Сузуки отмечает, что в таких восточных языках как японский, прилагательные всегда включают в себя приставку «для меня». Значит, сказать «этот цветок прекрасен» означает сказать «*для меня* этот цветок прекрасен». Наша западная дихотомия между субъектом и объектом, напротив, привела нас к выводу, что мы можем установить красоту цветка, только «отделив» его от себя, и ищем некую «объективную» красоту. Это вынесение «собственного мира» за скобки — не только дань сухому интеллектуализму и результат утраты витальности; оно, очевидно, связано с фактом потери западным человеком чувства реальности его собственного личного опыта.

Еще раз подчеркнем, что все три формы мира всегда соотносятся и всегда обуславливают друг друга. К примеру, в каждый момент своего бытия я живу в биологическом мире. Но то, как я отношусь к своей потребности во сне или к любому другому инстинкту — то есть, то, каким я вижу посредством самосознания тот или иной аспект «Umwelt» — зависит от значения данного аспекта для меня и обуславливает мою на него реакцию. Человек живет в «Umwelt», «Mitwelt» и «Eigenwelt» одновременно. Это не три разных мира, но три неразрывных формы бытия в мире.

Несколько следствий вытекают из выше предложенного описания. Первое состоит в том, что *реальность бытия в мире утрачивается в случае чрезмерного акцентирования одной из описанных форм в противовес двум другим*. В этой связи Бинсвангер утверждает, что классический психоанализ имеет дело только с биологическим миром. Гениальность и ценность работ Фрейда состоит в раскрытии бытия человека в «Umwelt», в мире инстинктов, драйвов и биологического детерминизма. Но традиционный психоанализ

оставляет в тени «Mitwelt», мир взаимоотношений людей как субъектов. Мне могут возразить, что даже самый ортодоксальный психоанализ предполагает обращение к социальному миру, поскольку индивидуумы нуждаются друг в друге для удовлетворения собственных потребностей, что либидозные драйвы приводят к социальным контактам и делают социальные взаимодействия необходимыми. Но это простое выведение «Mitwelt» из «Umwelt», попытка свести социальный мир к эпифеномену мира биологического. А это значит, что в действительности мы имеем дело не с «Mitwelt», а лишь с еще одной формой биологического мира.

Естественно, школы интерперсонального направления обладают гораздо более серьезным теоретическим базисом для раскрытия природы «Mitwelt». Мы видим это на примере интерперсональной психологической теории Салливана. Хотя между ними и не стоит ставить знак равенства, интерпероснальные теории личности и «Mitwelt» подходят друг к другу как ключ к замку. Однако опасность здесь заключается в том, что без учета «Eigenwelt», «мира самости», межличностные отношения становятся пустыми и стерильными. Хорошо известно, что сам Салливан отрицал наличие у личности индивидуальности и пытался определить самость как «отраженные оценки других», используя социальные категории — т. е., через роли, которые играет человек в мире межличностных отношений. Теоретически, это вытекает из описанной логической несообразности и противоречит основному вкладу Салливана. Практически, такая позиция приводит к превращению личности в зеркало группы, опустошению самости, потере ею витальности и оригинальности и низводит социальный мир до уровня элементарных «социальных отношений». Все это открывает путь тенденции, которая прямо противоположна целям Салливана и прочих мыслителей данного направления — а именно, социальной конформности. Социальный мир не поглощает автоматически ни мира биологического, ни «мира самости» — «Eigenwelt».

Но как только мы обращаемся к «Eigenwelt», мы неожиданно оказываемся перед неисследованной границей психотерапевтической теории. Что значит: «личность в отношении с собой»? Что собой представляют феномены сознания и самоосознания? Что за «инсайт» мы наблюдаем, когда внутренний гештальт личности преобразует сам себя? Действительно, что означает «познание себя»? Все эти феномены происходят с каждым из нас и, по сути, настолько же естественны и близки каждому, как его собственное дыхание. Но именно потому, что они столь близки нам, никто не знает, что происходит с ними в реальности. Данная форма мира — есть аспект опыта, которому Фрейд никогда не придавал значения, и сомнительно, чтобы какая-либо школа уже

предложила базис для его адекватного изучения. «Eigenwelt» — это наиболее сложная для понимания форма, особенно в условиях нашей техногенной цивилизации. Более вероятно, что свет на данную проблему будет пролит только в течение следующих десятилетий

Другое следствие предложенного выше анализа форм бытия в мире заключается в предлагаемых им основаниях для собственно психологического понимания любви. Человеческий опыт любви, очевидно, не может быть адекватно описан в границах «Umwelt». Школы интерперсональной ориентации, опирающиеся в основном на «Mitwelt», стремятся к постижению любви, в частности в концепции «близкого друга» Салливана и в работах Фромма, посвященных трудностям переживания любви в отчужденном обществе. Однако сомнительно, что теоретические основания для продвижения в данном направлении сформировались хотя бы в одной из этих школ. Здесь наблюдаются те же недостатки, что были отмечены нами ранее: без адекватного понимания биологического мира любовь оказывается лишенной жизненной силы, а без индивидуального «мира самости» — бесплодной.

В любом случае, пренебрежение «Eigenwelt» лишает нас возможности понять сущность любви. Ницше и Кьеркегор показали: любовь предполагает, что хотя бы один из любящих уже стал «подлинным человеком», «уникальной индивидуальностью», кем-то, кто постиг глубокий секрет — и в любви к другому человеку необходимо оставаться самодостаточной личностью. Подобно всем экзистенциалистам, они не стремились раскрыть сущность любви как таковой, но помогли осуществиться тем психо-хирургическим операциям, столь необходимым человеку девятнадцатого столетия, которые удалили блоки, препятствующие переживанию любви. К слову сказать, Бинсвангер и прочие экзистенциальные психотерапевты часто упоминают любовь. И хотя может встать вопрос о том, как они «работали» с этим чувством в том или ином терапевтическом случае, они, несомненно, заложили теоретический фундамент для понимания любви в психотерапии.

Кому-то может показаться, что в США многочисленные психологические и психотерапевтические дискуссии, посвященные любви, лишены трагического измерения. Действительно, чтобы подлинная трагедия любви вышла на первый план необходимо чтобы человек был понят во всех трех формах его существования: в мире биологических драйвов, смертности и детерминизма («Umwelt»), в мире ответственности перед ближним («Mitwelt») и в мире, который позволяет человеку осознать собственную смертность и бороться с ней («Eigenwelt»). «Eigenwelt» — сущность любого трагедийного переживания поскольку человек должен осознавать собственную идентичность в гуще биологических

и социальных сил, управляющих им. Верно подмечено, что мы потеряли чувство трагедии здесь, в Америке, и сумели дать миру лишь несколько подлинных трагедий в драматическом или любом ином виде искусства поскольку мы утратили понимание личной идентичности и самосознания.

Перевод с английского Виктора Вахштайна